

Дек-Текс становления и его роль в судьбе метафизики

павел маркин

**Дак-Текс становления и его
роль в судьбе метафизики**

«Автор»

2026

маркин п.

Дак-Текс становления и его роль в судьбе метафизики /
п. маркин — «Автор», 2026

Есть мнение, что мы не можем познать абсолютное из-за нашей относительной природы, но настоящая причина этой коллизии состоит в том, что "уже для греков не было становления и бытия отличных друг от друга" (М. Мамардашвили). Автор предлагает отказаться от парадигмы становления, изначально и повсеместно господствующей в нашем мышлении, и посмотреть, как эта мера отразится на проблеме познания бытия. Замена принципа становления на принцип уничтожения решает проблему бытия и абсолютной истины, одновременно избавляя метафизику от всех её эквантов и эпициклов. Трактат адресован всем, кого интересует, как возможна эмпирическая метафизика

© маркин п., 2026

© Автор, 2026

павел маркин

Дак-Текс становления и его роль в судьбе метафизики

ДАК-ТЕСТ СТАНОВЛЕНИЯ И ЕГО РОЛЬ В СУДЬБЕ МЕТАФИЗИКИ

Маркин Павел Александрович.

Есть мнение, что мы не можем познать абсолютное из-за своей относительной природы, но настоящая причина этой драмы состоит в том, что «уже для греков не было становления и бытия отличных друг от друга» (М. Мамардашвили). В подтверждение своих слов автор предлагает на время отказаться от парадигмы становления, повсеместно и изначально господствующей в нашем мышлении, и посмотреть, как эта мера отразится на проблеме познания бытия.

Аннотация. Спекулятивность, как и прочие недостатки, не присуща метафизике изначально, а является следствием того, что все ее доктрины исходят из антропоморфного и негэнтропийного принципа становления. Энтропия представляет собой фундаментальную физическую величину, а негэнтропия лишь концептуальное понятие. У нее нет не *слишком человеческих* законов, подобно второму началу термодинамики. Становление не коррелирует с принципами Оккама, Гамильтона и простоты ввиду невообразимой сложности своих маршрутов. Но взяв за основной принцип бытия принцип, находящийся в русле перечисленных начал и дефиниций, мы удовлетворим ценностно нейтральной антиметафизической критике и оправдаем методологический аппарат классической философии, подтвердив тем самым его фертильность. Реализация данного сценария заставила бы в корне пересмотреть эвристический потенциал фундаментализма и понизить статус становления до уровня побочного продукта. Это в том числе избавило бы фундаментальные научные концепции от телеологической зависимости при заполнении своих пробелов наиболее общего порядка.

Трактат адресован тем, кого интересует, как возможна эмпирическая метафизика.

Ключевые слова: закон тождества, эмпирическая метафизика, парадигма уничтожения, принцип становления, диалектическая триада, Парменид, Хайдеггер, Мамардашвили, Чанышев.

Существует эвристический принцип, что истина находится в еще не понятой возможности, которую мы можем исследовать, только отрицая то, что считается очевидным. Ф. Рамсей.

Автор оперирует исключительно методологическим аппаратом классической философии, не претендуя на роль специалиста в области фундаментальной физики или востоковедения. Но предлагаемый в работе радикальный пересмотр онтологии представляет собой имплицитный синтез термодинамики и буддизма. Специалисты в указанных областях без особого труда увидят эти концептуальные мосты, которые в предложенном тексте представлены в виде бесперебойно работающих онтологических инвариантов, а не междисциплинарных деклараций.

Помимо глобального контура, работа имеет также и локальное значение для современной философской дискуссии. По сути, доктрина развивает принципы «плоской онтологии». Однако, в отличие от объектно-ориентированной онтологии (ООО) или акторно-сетевой теории (АСТ), где отказ от антропоцентризма и сегрегации всецело спекулятивен, предлагаемая модель переводит данные принципы в верифицируемую плоскость. Кроме того, онтология здесь делается плоской не за счет понижения человека до уровня вещей, а за счет поднятия вещей до уровня человека, ввиду чего её рабочее название звучит как субъектно-ориентированная онтология (СОО).

ВСТУПЛЕНИЕ

Простота – это то, что труднее всего (Л. да Винчи); *простейшие истины постигаются позже всех* (Л. Фейербах); *отчуждающее в мышлении бытия это его простота* (М. Хайдеггер); *с началами непросто – они слишком просты, чтобы с ними можно было просто* (В.В. Бибихин); *особенность онтологической проблемы – ее простота* (У.В.О. Куайн). Оставив рассуждения о сложности простоты, согласимся с тем, что тезис о простоте первоначал имеет этимологическое основание. Отсюда можно заключить, что задача метафизики в принципе разрешима: «истина каждого касается, а значит должна доходить до каждого по житейскому критерию доходчивости» [14, с. 338]. Точка зрения, что познать абсолютную истину нельзя, но к ней можно постоянно приближаться – чистая казуистика: для абсолютной истины истина относительная является не ее частью, а ее частным случаем. Так, сфера действия закона всемирного тяготения выходит далеко за рамки пресловутого яблока, но ничего качественно нового не предлагает.

По мере роста наших знаний истина все больше отдаляется от нас – этот удивительный для диалектически неискушенного автора казус привел его к той крамольной мысли, что философы на самом деле движутся в обратном от того места, где находится решение, направлении. Такой вывод было бы вполне уместен, если бы речь шла не о метафизике, а о бытовой ситуации. Разумеется, метафизика – не самый лучший инструмент для разрешения бытовых проблем, но не потому ли она стала таковой, что мыслители с самого начала были жестко индоктринированы находящимся за пределами внятной критики таинственным обстоятельством, которое и поныне действует на их разум и волю с непреодолимой и завораживающей силой?

Сегодня снова стали задаваться вопросом, *как возможна метафизика?* По-видимому, ответ очевиден: если возрождение метафизики возможно, то лишь с учетом той справедливой критики, которой она была подвергнута. Не совпадая с наукой предметом исследования, метафизика должна оставаться в рамках ее требований, которые без нареканий со стороны можно свести к эмпирической верификации. Иначе возрождение метафизики – фигура речи, так как *что может предложить абстрактный способ опровержения взамен опровергаемого?* [11]. Мы ограничимся этим аспектом, ибо нет смысла говорить о чем-либо, не решив основную проблему. К тому же есть ощущение, что остальные проблемы, по принципу дополнительности при этом разрешатся сами на том основании, что все они проявляют себя в метафизике равно отрицательно.

Чтобы потрафить антиметафизической критике, казалось бы, надо просто унять амбиции, к чему она и призывает. Но это означало бы отказаться от метафизики – превратить ее в музейный экспонат или же слить с наукой до неразличимости. Предмет метафизики (непротиворечивая, *непотоптываемая*, истина) в отличие от предмета науки (мира изменчивых вещей) может лучше всего обеспечить свою верификацию, если верно, что *масштаб истинности мышлению задают вещи* (Аристотель), а *ум способен лишь трансформировать знание* (Пирс). Отсюда следует тот, может быть, несколько преждевременный и неожиданный вывод, что абсолютная истина не препятствует собственной верификации, но, напротив, выводит ее на абсолютный же уровень... и если с Вашей истиной дело обстоит не так, то значит у Вас есть веский повод задуматься.

КРИТИКА АНТИМЕТАФИЗИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

В наши дни возвращение метафизики выглядит явным анахронизмом, но есть точка зрения, что своего последнего слова она еще не сказала. В связи с этим автор предлагает к рассмотрению некоторые косвенные (в своей совокупности, видимо, до сих пор не изложенные) доводы, прежде чем перейти к прямым. Это представляется правомерным еще и потому, что «возвращение метафизики есть [помимо прочего – П.М.] критика... критики метафизики» [9, с. 46].

Главными *преступлениями* метафизики являются эссенциализм, догматизм и притязания на обладание абсолютной истиной. Критика экстраполирует на метафизику издержки ее доктрин, но помимо них у метафизики еще остается ее благородная задача, причина профанации которой заключена не в ней самой, а в том, каким образом ее решали философы. Только представьте себе, что Коперник, разочаровавшись в птолемеевой картине звездного неба, не предложил взамен свое (результативное!) решение, а запретил астрономию – именно так Кант поступил с метафизикой, и на голубом глазу назвал это коперниканской революцией.

Не является ли плодом популярной индукции та точка зрения, что эссенциализм является врожденной чертой метафизики? Можно ли всерьез утверждать, что все варианты уже исчерпаны? Возможно, в рамках классической философии найдется место и для теорий, подтверждаемых опытом, а не только «путем метафизического самопонимания» [5, с. 23]? Мы во многом еще не достигли уровня великих мыслителей прошлого (ведь многознание, как известно, уму не научает), но уже тяготимся их презумпциями. И что же, так отважно расправившись с метафизикой, мы получили взамен, кроме плохо скрываемого агностицизма?

Неприятие догматизма так прочно укоренилось в научном сообществе, что само в свой черед стало догмой, игнорируя различия в природе объектов научного исследования и метафизического. Поскольку не исторична природа истины самой по себе, то и наука, занимающаяся ее изучением, не темпоральна, а догматична – вот и научное мышление моментально утрачивает весь свой фаллибилизм, едва лишь речь заходит о сфере абсолютного, но смотрит на негативный догматизм сквозь пальцы, как мать на проделки своего ребенка.

Есть субъективный догматизм и есть объективный догматизм – важно, чтобы категоричность исходила не от исследователя, а от факта, относительно которого у нас имеется аподиктическое знание (эмпирико-дедуктивистская версия фундаментализма), хотя, по знаменитой интерпретации Ницше, *нет фактов, а есть лишь интерпретации*. Как и в случае с эссенциализмом, проблема догматизма, таким образом, оказывается тесно связанной с проблемой верификации: трактовка метафизических положений, как изначально неверифицируемых, в свою очередь может оказаться догматической... а бездоказательной она была и ранее.

Научное мышление отрицает существование абсолютной истины или отказывает человеку в возможности ее познания, впадая в парадокс лжеца – это мнение тоже претендует на абсолютность и, причем, в наименее трудозатратной форме: *человеческий разум осаждают вопросы, на которые он не может ответить, так ибо превосходят его возможности* (И. Кант). Хотя негативные суждения в отличие от позитивных не нуждаются в собственной доказательной базе, но трудно принять за серьезный аргумент тот факт, что истина еще не обнаружена, поскольку «ничто, кроме истории, не говорит нам, что эта проблема не может быть разрешена» [11, с. 180]. Придерживаясь наука такой обструкционистской позиции относительно себя, то о каком ее собственном развитии могла бы тогда идти речь? Критика должна обращать внимание не на уровень притязаний (*не надо путать важность с трудностью*, противоречит сам себе Кант), а на степень их обоснованности, моральная же, историческая или какая-либо иная ангажированность недопустимы.

Согласно И. Канту, *в метафизике есть некий врожденный порок, которого нельзя достичь и тем более устранить, не добравшись до места его рождения*. В свете этого предположения не понятен в дальнейшем инспирированный самим же Кантом запрет на метафизику, в результате чего возникла комичная, правда не для метафизики, ситуация: *запрет на метафизику следует из определенных метафизических предпосылок, которые в силу запрета на метафизику не могут быть пересмотрены* (О. Столярова). Поменяв местами большую и малую посылки, Кант, говоря по-простому, *натянул сову* спекулятивной метафизики на *глобус* метафизики, как таковой.

Но основная причина отказа от поиска последних ответов заключается вовсе не в Канте и не в антиметафизической критике, но в радикальной переориентации интересов современного

мышления, в связи с чем, мир в целом и философия в частности оказались во власти людей, которые не претендуют на истину в какой бы то ни было инстанции. В результате академическая философия полностью подпала под власть «рациональности нового типа, главной чертой которой является отказ от поиска истины» (Е. Мамчур). Абсолютная истина и проблема бытия (две – эпистемологическая и онтологическая – стороны одной и той же медали) давно уже не являются маргинальными товарами и интересуют нынче лишь пылких, но при этом не очень внимательных маргиналов, для которых болезни метафизики – пустой звук.

Итак, на основании данного предварительного исследования автор пришел к выводу, что антиметафизическая критика в своей основе базируется на различных вариациях двух в равной степени сомнительных аргументов – на индукции перечисления и на парадоксе лжеца, обильно сдобренных негативным догматизмом. Автор не собирается спекулировать на этом обстоятельстве и делать из него далеко идущие выводы, но согласно голливудской мудрости, *если что-то может пойти не так, оно обязательно пойдет не так*. Обнаруженные недочеты сами по себе не означают, что метафизика должна быть немедленно восстановлена в своих правах, но значительно повышают шансы на ее реабилитацию, которыми нужно еще суметь грамотно воспользоваться.

ЭТИОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Как всякий добросовестный исследователь, метафизик, прежде чем перейти к, собственно, метафизическому осмыслению полученного материала, начинает с его сбора – тщательно выявляет закономерности окружающего мира или обращается к научным источникам, потому что для чего же еще существует принцип разделения труда. И та естественная мысль, к которой самый первый метафизик пришел на данном этапе, принципиально ничем не отличался от заключения любого современного ученого: в основании мира лежит феномен становления. То, что автор, не так сильно погрешив против истины, позволил себе отождествить с эволюцией.

Все метафизические доктрины суть попытки осмыслить бытие эволюционно. Это касается и религиозных картин мира, которые на словах чужаются эволюционизма, а на деле связаны с ним антропоморфным происхождением и снабжают смыслом эволюцию, приставляя ей голову (см. *теистическая эволюция*). Эволюция так комплиментарно и наглядно представлена в окружающем мире, что у мыслителя нет выбора. Научный эволюционизм эксплицировал пороки метафизики, но имплицитной их причиной был эволюционизм бытовой. Отказавшись от всего второстепенного и откровенно фантастического, что включала в себя мифология, отделившаяся от нее философия трепетно сохранила от мифологии главное – идею становления, поставив ее в центр дискурса.

Все мифологические картины мира являются космогониями – рассказами о возникновении и дальнейшем формировании вселенной. Но в отличие от мифологии метафизика становления фокусируется уже не на проблеме возникновения мира (тут наследницей мифологии является наука), а на его устройстве, обращаясь к внутреннему смыслу сущего. Но само космогоническое мышление никуда не исчезло, а трансформировалось в мышление становления (исторического процесса, прогресса, эволюционизма и т. д.). Не это ли имел в виду М. Хайдеггер, отмечая, что *в философии мы все еще имеем дело с остатками мифических представлений?*

Гегель пишет: *мы можем свести то, что для нас здесь действительно важно, к понятию развития – когда последнее делается ясным, то все остальное будет вытекать само собою*. Ему вторит Уайтхед: «если мы вернемся к изначальному опыту, то становление вещей станет тем исходным обобщением, вокруг которого мы должны построить нашу систему» [13, с. 293]. Предшествующие мыслители, возможно, не умели так четко эксплицировать свои мысли, но имплицитно исходили из тех же соображений: «уже для греков не было проблемы становления и бытия отличных друг от друга» [7, с. 100]. Современные разработчики онтологической

проблематики могут вовсе не использовать малоупотребительный ныне термин *становление*, а также слова, однокоренные ему, но это не значит, что они говорят не прозой.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИНЦИПА СТАНОВЛЕНИЯ

Если бы метафизика остановилась на этом совершенно здравом выводе, то к ней не возникло бы никаких претензий, но тогда она не была бы уже метафизикой. Философу недостаточно просто констатировать вездесущность становления и на этом основании объявить его фундаментальным принципом бытия, как это принято в науке. Для науки истина излишня, а главное, чтобы *техника работала* (К. Ф. фон Вайцзеккер), потому что *наука это и есть техника* (Х.-Г. Гадамер). Для собственных целей науке вполне достаточно *относительно истинного знания* [10, с. 34], а потому она может успешно функционировать, опираясь на ошибочные предпосылки (теория флогистона) или на *откровенный обман, если он служит усилению чувства жизни* (Ницше).

Вполне удовлетворенная результатами дак-тестов, наука затыкает рты Юму, солипсизму, скептицизму, и прочим глубоким философским сомнениям. Впрочем, современные философы способны в этом отношении даже дать фору ученым: оказывается, *врожденная способность пользоваться мироустройством делает незнание самого мирового устройства совершенно неважным*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.